

СОРТАВАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК I

Администрация муниципального образования г. Сортавала
Министерство культуры и по связям с общественностью
Республики Карелия
Региональный музей Северного Приладожья
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исследовательский центр «Русский Север»

Сортавальский исторический сборник

Выпуск 1

*Материалы I международной научно-просветительской
краеведческой конференции
«370 лет Сортавале»*

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2005

УДК 94(470)
ББК 63.3(2Рос.Кар)
С65

Редакционная коллегия:

Т. Ю. Бердяева, директор Регионального музея
Северного Приладожья,
С. Г. Веригин, канд. ист. наук, доцент,
декан исторического факультета ПетрГУ,
А. М. Пашков, канд. ист. наук, доцент,
заведующий кафедрой истории дореволюционной
России ПетрГУ (ответственный редактор)

Рецензенты:

Н. А. Корablёв, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник сектора истории ИЯЛИ КНЦ РАН,
В. Г. Макуров, канд. ист. наук,
заведующий сектором истории ИЯЛИ КНЦ РАН

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Республики Карелия
и Администрации местного самоуправления города Сортавала*

С65 **Сортавальский** исторический сборник. Вып. 1. Материалы I междуна-
родной научно-просветительской краеведческой конференции
«370 лет Сортавале» / Регион. музей Северного Приладожья; [редкол.:
Т. Ю. Бердяева и др.]. — Петрозаводск: Изд-во Петрозав. гос. ун-та,
2005. — 248 с.; ил.

ISBN 5-8021-0340-X

Сборник посвящен истории Сортавалы и Северного Приладожья — уникального пограничного региона, где переплелись прошлое России и Финляндии и сохраняется культурное наследие карелов, финнов и русских. В центре внимания авторов оказались различные периоды истории этого региона от эпохи средневековья до XX в. Авторами сборника являются историки, археологи, работники музеев, краеведы из Петрозаводска, Сортавалы, Выборга, Приозерска, Куркиёки, Хельсинки, Йёнсуу и Ювяскюля.

Сборник предназначен для историков, археологов, работников музеев, краеведов, учителей, студентов, школьников, туристов и всех интересующихся историей и культурой Сортавалы и Северного Приладожья.

156216A

УДК 94(470)
ББК 63.3(2Рос.Кар)

ISBN 5-8021-0340-X

© Региональный музей
Северного Приладожья, 2005
© Издательство Петрозаводского
государственного университета, 2005

И. И. Муллонен

Карельская топонимия Валаама

1562 161

Топонимия Валаама многослойна. При этом каждый из хронологических пластов отражает определенную страницу в жизни архипелага. В целой серии названий отразился Валаам туристический. Финский гарнизон периода, предшествовавшего Второй мировой войне, оставил о себе память в таких названиях, как *Vahtisaari* 'Сторожевой остров' или *Keittiösaari* 'Кухонный остров'. Значительно топонимическое наследие Валаама монастырского. Названия десятков островов, заливов, внутренних озер и урочищ связаны с этой страницей в истории архипелага. Память о домонастырской жизни на островах, а также, видимо, о событиях периода разорения монастыря в XVII в. несут на себе многие сохранившиеся или отразившиеся в документах XVIII—XIX вв. географические названия с карельскими истоками. Для анализа использованы источники XVIII—XX вв.¹, из которых наиболее ценны «Описание карты угодий Валаамского монастыря, состоящего в Выборгской губернии в Кексгольмском уезде, составленное в 1798-м году землемером Морицом фон Дрейером» [далее «Описание 1798 г.»]², исследование А. П. Андреева о Ладожском озере³, финские и российские топо-

¹ Автор благодарит за помощь в сборе материала, в идентификации топонимов разных источников и за информацию о ландшафтно-географических и прочих особенностях объектов называния О. А. Ярового.

² Описание карты угодий Валаамского монастыря, состоящего в Выборгской губернии в Кексгольмском уезде, составленное в 1798-м году землемером Морицом фон Дрейером. НА РК. Ф. 762, оп. 2, д. 1/19.

³ Андреев А. П. Ладожское озеро. СПб., 1875.

графические карты XX в. и материалы финляндского топонимического архива.

Выявление карельской топонимии сопряжено с определенными трудностями, связанными с активной русской и финской обработкой названий, изменившей их изначальный облик. С трудом реконструируется, к примеру, карельский оригинал таких названий островов Валаамского архипелага, как *Ханжипаеу* (< *Nanhiraasi*) или *Кабак* (см. ниже). Нередко только сохранившиеся в документах XVIII в. нерусские формы названий, имеющих сейчас совершенно русский облик, позволяют говорить, что перед нами переводы оригинальных карельских топонимов на русский язык. Современный остров *Ягодный* (или *Никоновский*) в «Описании 1798 г.» известен как *Марья Саари* (**Marjasaari*) 'Ягодный остров' (кар. *marja* 'ягода'); остров *Федоровский* — как *Ходарин Саари* (**Huodarinsaari*), кар. *Huodari* 'Федор'; остров *Крюк* — как *Куку сарет* (*Koukkusaaret*), кар. *koukku* 'крюк': три небольших прилегающих друг к другу островка напоминали по форме крюк.

Иногда объект имеет два названия — русское и прибалтийско-финское, которые, на первый взгляд, никак не соотносятся друг с другом. Однако более детальный анализ позволяет наметить такую связь. Показательно в этом смысле название острова *Дивный*, одного из самых красивых в Валаамском архипелаге. *Дивный остров* — это практически неприступная скала. Волны Ладоги разбиваются о крутые скалистые берега. Как возникло это название? Оно в принципе нехарактерно для традиционной народной топонимии. Так что вполне возможно, что перед нами «книжное» монастырское название. Однако не следует упускать из виду, что у острова есть другое название — *Девичий*, которое возникло как перевод карельского *Нейцют* (кар. *neicyt* 'девушка, девица'), зафиксированного все в том же «Описании 1798 г.». Возникает вопрос: не есть ли *Дивный остров* — результат переосмысления более ранней формы **Дивий остров*, которая, в свою очередь, могла появиться в ходе перевода уже упоминавшегося оригинального карельского **Neicyt(soari)* 'девий (остров)'? Форма притяжательного местоимения *девий* 'девичий, девический'⁴ была широко распространена в севернорусских говорах. В соответствии с севернорусскими фонетическими особенностями *девий* преобразовывалось в *дивий*. Именно этот диалектный вариант мог в русле монастырской традиции (ср. рядом остров *Дикий*) переосмыслиться в *Дивный остров*. Видимо, свою роль в таком переосмыслении могли сыграть и природные особенности острова, его суровая северная красота. К этому

⁴ Словарь русских народных говоров. Выпуск седьмой. Л., 1972.

следует добавить, что *Дивьи* и *Девичьи острова* не столь уж редки в топонимии Карелии. При этом название привязано, как правило, к небольшим скалистым островкам, с которыми нередко связаны предания о девушке или девушках, бросившихся или сброшенных по какой-то причине со скалы в воды озера⁵. Еще важнее, что для валаамского острова *Нейцют* обнаруживаются тезки в карельской топонимии, где неоднократно фиксируются острова (чаще всего скалистые, к которым трудно причалить) с названием *Neicytsoari*. Народная этимология возводит основу к слову *пейсут* 'девушка', однако, исходя из характеристики островов, логично предполагать, что в названии скрывается семантика 'девственный, неприступный, нетронутый', которая присуща прибалтийско-финской основе. Именно таковы острова с карельским названием *Neicytsoari* и русские *Девичьи острова* (скалистые, труднодоступные, неосвоенные), названия которых у нас в Карелии скорее всего являются переводами карельских оригиналов.

В свою очередь, финская традиция последовательно финнизировала карельские топонимы. На самом деле на финских картах и в документах приводятся не собственно карельские топонимы, а их финские соответствия. Подтверждение этому находится, как это не парадоксально, в очень важном для исследования традиционной топонимии Валаама русском документе — упомянутом выше «Описании 1798 г.». Этот документ возник через 80 лет после того, как на Валааме было начато восстановление монастыря. Однако внимательный анализ написания топонимов наводит на мысль о том, что в основу был, видимо, положен соответствующий документ шведского времени: географические названия написаны русскими буквами, но с соблюдением норм (добавим, далеко не устоявшихся) финского правописания XVII—XVIII вв. В документе обращают на себя внимание такие особенности финской письменности этого периода, как непоследовательность в передаче долгих гласных: *саари* и *сари* (фин. *saari* 'остров'), *маа* (*Пало Маа*) и *-ма* (*Сур Метцама*) от фин. *maa* 'земля'; отражение на письме глухих взрывных, выступающих после сонорных или в окружении согласных, как звонких: *ламби* (*lampi* 'лесное озеро'), *пелдо* (*pelto* 'поле') и др.; проблемы в передаче гласных переднего ряда *ä*, *ö*, *y*⁶.

Стремление землемера Морица фон Дрейера, составившего карту, к употреблению финских форм прослеживается не только в использова-

⁵ Криничная Н. А. Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Л., 1978. С. 88, 180—181; Она же. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 171.

⁶ Häkkinen K. Agricolaista nykykieleen. Suomen kirjakielen historia. Juva, 1994. С. 161—185.

нии финских фонетических норм, но и в попытке придать финский облик непонятным ему топонимам. Замечательный пример — написание известного валаамского топонима *Раутаверья* (**Rautaveräjä*) ‘Железные Ворота’. Эта модель используется в карельской топонимии для называния узких ущелий между скалами, по дну которых проходит тропа или протекает ручей. Она выступает также в качестве названий узких, со скалистыми берегами проливов. В «Описании 1798 г.» этот топоним выглядит несколько странно: *Рауда веррава маа* (конечное *маа* < **таа* ‘земля’). Дело в том, что входящее в состав топонима *veräjä* ‘ворота, калитка’ является преимущественно карельским и восточнофинским словом, не получившим широкого распространения в западных финских диалектах⁷ и соответственно старофинском литературном языке, сложившемся на основе западных диалектов. Можно предполагать, что картограф соотнес это не вполне понятное ему слово с широко известным карельским типом причастий с конечным элементом *-ja*, которому в финском языке соответствует *-va*: ср. кар. *kyndäjä* — фин. *kyntävä* ‘пашущий’, кар. *tietäjä* — фин. *tietävä* ‘знающий’. В результате в документе появляется форма на *-ва веррава*. Кстати, на то, что автор карты действительно мог иметь в виду причастие, указывает, видимо, и двойное *-pp-* в корне, позволяющее предполагать, что он соотносил топоним с глагольной основой *vertaa-* (*verrata*) ‘сравнивать’.

Несмотря на явную финнизацию, «Описание 1798 г.» сохраняет бесспорные карельские элементы. Известно, к примеру, что древнерусское слово *крест* было усвоено в карельские говоры в виде *risti* и *rista* (ср. в финских только *risti*). Так что отразившиеся в документе названия покоса *Ристан нурми* ‘Крестовая поляна’ и острова *Пень Риста Сарет* (кар. **Pieni Ristasoari* ‘Маленький Крестовый остров’) указывают именно на карельский исток топонима.

Явные карельские истоки имеет и зафиксированный в «Описании 1798 г.» мыс под названием *Руския калю Ниеми*, букв. ‘мыс Красной скалы’. Именно в карельском языке слово *ruskie* (< **ruskea*) имеет семантику ‘красный’, в финском же *ruskea* ‘коричневый’, а для обозначения красного цвета используется слово *punainen*. Знаменательно, что на финских картах XX в. мыс назван переводным финским названием *Punainenniemi* ‘Красный мыс’. Этот топоним перекочевал и на современные русские топографические карты (мыс *Пунайненниemi*). Документ XVIII в. оперирует карельским названием.

⁷ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1. Helsinki, 2000.

На самом деле, несмотря на тенденцию к употреблению финнизированной топонимии, в документе немало сугубо карельских штрихов. Среди них наиболее отчетливы, пожалуй, карельские антропонимы в составе географических названий Валаама. Кроме упомянутого выше острова *Ходарин Саари*, можно отметить название покоса *Повелин лаген нурми* (**Roavelin lagien nurmi*), в котором выступает православное мужское имя Павел в карелизированной форме *Roaveli*. В названии залива *Домойн губа* (**Domoinguba*, -guba заимствовано из севернорусских говоров в карельское употребление), при котором позднее возник скит Всех Святых, и урочища *Домойн Ранда* (**Domoinranda*, -randa 'берег') выступает карельский вариант *Domoi* довольно редкого мужского православного имени Домн. При этом карельский антропоним восходит, скорее, не к официальному, а к неофициальному гипокористическому варианту *Дома*⁸. Название внутреннего озера *Лесой ламби* (**Lesoilambi*, -lambi 'лесное озеро') заманчиво возводить к *Lesoi* — карельскому варианту русского православного мужского имени Елисей. Антропоним был широко представлен в средневековом Приладожье⁹. Современное название этого озера — *Лецево*. *Лецевым* озеро названо и А. П. Андреевым в его книге о Ладожском озере¹⁰. Местная традиция связывает название озера с тем, что в озере водятся лебеди. В принципе, топоним хорошо вписывается в русскую систему лимнонимов и теоретически дает основание предполагать, что топоним возник, например, на монастырском Валааме до XVII в. и был затем преобразован в карельское *Лесой*. Однако при расшифровке этого топонима следует иметь в виду некоторые дополнительные факты. То, например, что все другие внутренние озера Валаама имеют прибалтийско-финское название: в написании источника XVIII в. *Пало Ламби*, *Валат Ламби*, *Кукконен Ламби*, *Кари Кандо Ламби*, *Муста Ламби*, *Мелица Ламби*. Кроме того, именно на *Лецевом* озере, особенно по западному берегу, находятся удобные для ведения земледелия земли. Это обстоятельство в совокупности с тем, что описание валаамских угодий отмечает в окрестностях *Лесой ламби* топонимы, появление которых можно связать с хозяйственной деятельностью, заманчиво предполагать, что именно здесь на западном побережье озера могла находиться одна из деревень шведского времени¹¹, а в названии ламбы сохранилось указание на

⁸ Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1984.

⁹ Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Keuruu, 1992.

¹⁰ Андреев А. П. Указ. соч. С. 179.

¹¹ В XVII в., по свидетельству некоторых документов, на Валааме было четыре крестьянских двора — См.: Спиридонов А. М., Яровой О. А. Валаам: от

владельца крестьянского двора, которым мог быть некий Елисей, по-карельски Лесой. В таком случае русский вариант Лещево — это, возможно, результат переосмысления карельского оригинала. Впрочем, не исключен и самостоятельный путь рождения русского названия.

Наиболее убедительный критерий для выявления карельского наследия в топонимии Валаама — это так называемые дифференцирующие карельские топонимические модели. Исследование топонимов свидетельствует о том, что в рождении новых географических названий большое значение принадлежит моделям называния, свойственным данному языковому коллективу в данное время и на данной территории. Новые топонимы подстраиваются под готовую модель — структурную, семантическую, лексическую. Ниже рассмотрены некоторые лексические модели, характерные для карельской топонимии и отличающие ее, например, от финской.

В «Описании 1798 г.» отмечен остров под названием *Нило сара* (**Nilosoari* или **Nilossoari*) у северного побережья острова Валаам. Название отсутствует в современных списках и картах, однако анализ последовательности перечисления объектов в разных источниках позволяет предполагать, что у А. П. Андреева это *Нахо-сари* (возможно, опечатка или описка), а на финских картах XX в. *Matalasaari* 'низкий, заливаемый водой, остров'. Это небольшой островок, представляющий собой низко выступающую над урезом воды скалу. Топооснова *nilo* '(прибрежная) скала, омываемая водой' хорошо характеризует эту особенность острова. В контексте нашего исследования существенно то, что основа *nilo* является карельским маркером, т. е. она свойственна карельской (прежде всего, собственно карельской) топонимии, в то время как в родственных топонимных системах — хяме, суоми, вепсской — не получила распространения¹².

Еще одна дифференцирующая лексическая карельская модель закрепились в названии острова, который на современных топографических картах отмечен как остров *Пень*. Название является явным переводом приводимого финскими картами *Kantosaari* (фин. *kanto* 'пень'). Однако при интерпретации топонима следует иметь в виду, что в карельских гово-

апостола Андрея до игумена Иннокентия (очерки истории Валаамского монастыря). М., 1991. С. 57.

¹² *Vahtola J.* Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. *Nimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus.* Rovaniemi, 1980. S. 70—72; *Kuzmin D.* Vienankarjalaisten paikannimimallien asutushistoriallisesta taustasta // *Läänemeresoome ühendused.* Voru, 2001.

рах Приладожья kanto имеет еще и значение 'перешеек; основание мыса', которое очень продуктивно в карельской топонимии¹³. Финляндский исследователь Алпо Ряйсянен, проанализировав целую серию топонимов с основой kanta ~ kanto и его производным kannus, пришел к выводу о том, что они представлены в названиях очень незначительных по величине островков, непосредственно примыкающих к более крупному острову или прибрежному мысу. Иногда речь идет о мысе, соединяющимся узким перешейком с материком и лишь при большой воде превращающимся в остров¹⁴. Валаамский остров Kantosaari хорошо укладывается в эту характеристику. Он является практически продолжением более крупного Емельянового острова, расположенного в юго-восточной части архипелага, и отделен от него узким проливом.

Модель по свидетельству А. Ряйсянена представлена в топонимии Восточной и Северной Финляндии — в пределах старого карельского расселения. Добавим, что она продуктивна и в Карелии, причем, как и в Приладожье, именно в наименованиях островов и мысов.

В составе Валаамского архипелага источники разного времени отмечают не менее трех островов под названием *Кабак*. Один из них расположен у северного побережья, при этом под именем *Кабак* он числился в XVIII и XIX вв. В более поздних документах это Lokkisaaret (Локкисаарет) фин. lokki 'чайка'. Два других отмечены Андреевым как *Кабака* и *Кабан* (современный Зимняковский остров) в восточной части архипелага. Все валаамские Кабаки похожи друг на друга: это очень небольшие, низко выступающие над водой острова, без особой растительности, с неровной поверхностью, т. е. возвышения чередуются с низкими местами. Эта характеристика замечательно укладывается в значение карельского слова kabakka или kabakko 'неровный, бугристый'. Слово применимо, например, к развезженной дороге, которая, высыхая после дождя, становится бугристой, неровной¹⁵. Никакого отношения к русскому слову кабак, с которым связывает происхождение названия народная этимология, оно не имеет.

Таким образом, несмотря на значительную финнизацию и русификацию топонимии Валаама, непосредственно связанную с судьбами Валаама и Северного Приладожья, в ней обнаруживаются сугубо карельские маркеры в виде карельских форм православных имен, карельских лексем в составе топооснов, а также дифференцирующих карельских топооснов.

¹³ Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. S. 86.

¹⁴ Räisänen A. Kannus-nimet metaforaniminä // Hiidenkivi. 2000. № 5. S. 46.

¹⁵ Karjalan kielen sanakirja. Toinen osa. Helsinki, 1974.

Такая характеристика дает основание предполагать, что и многие другие топонимы Валаама, внешне совпавшие с финскими (вследствие близкого родства языков), в действительности имеют карельские истоки.

В связи с поиском карельских маркеров есть смысл обратить внимание на характерные для топонимии Северного Приладожья структурные модели, отличающие этот регион от смежных территорий. При том, что поиск структурных маркеров в прибалтийско-финской топонимии в связи со значительной монолитностью ее структурного облика затруднителен и не слишком эффективен, в нашем случае есть по крайней мере один яркий дифференцирующий элемент — формант *-то*, которым оформляется и само название Валаам — *Valamo*. Название главного острова архипелага входит в один ряд с другими известными в Северном Приладожье топонимами с суффиксом *-то*. Среди них есть названия озер (*Laitimo*, *Valtimo*, *Paltamo*, *Uramo* и др.), а также островов (*Kinahmo*, *Linkamo*).

Ареальная характеристика структурной модели довольно любопытна. Основной ареал модели тянется из Северного Приладожья на север, в ареал водной системы озера Пиелинен, где путь ее раздваивается: основной поток уходит через систему озера Оулуярви на запад к Ботническому побережью. Однако некоторое количество топонимов на *-то* проникает в Беломорскую Карелию. Это очень примечательный ареал, ибо он привязан к тому транзитному пути из Приладожья на север, который был освоен древними карелами уже к началу второго тысячелетия. Заманчиво предполагать, что топонимный ареал отражает как раз это раннее продвижение корелы. Это, в свою очередь, позволяет наметить некие критерии (ареальные, хронологические) для поиска этимологии загадочного названия Валаам — *Valamo*. Предпринимавшиеся до сих пор попытки расшифровки топонима пытались обычно связать его конечный элемент с финским словом *таа* 'земля' (что, заметим в скобках, противоречит языковым реалиям) и игнорировали ареал на *-то*.

Что касается самого суффикса *-то*, то он используется в прибалтийско-финском словообразовании как формант, образующий производные с локативным значением как от именных, так и от глагольных основ: *kaalamo* 'брод', *veistämo* 'место, где делают (букв. строгают, от *veistää* 'строгать, выстругивать') лодку', *ojamo* 'русло канавы', ср. *oja* 'канавы'¹⁶. Имея местное значение, суффикс как нельзя лучше подходит для топонимного функционирования. Возможно, основанием для появления топонимной модели послужили географические термины, первыми закрепившиеся в топонимии Приладожья. Среди таковых, например, известные

¹⁶ Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. S. 140, 173.

в Северном Приладожье *Kaalamo* (**Koalamo*), ср. кар. *koalamo* 'брод' от глагола *koaloa* 'переходить вброд', или *Suistamo*, ср. фин. *suistamo* 'дельта реки'. Впоследствии суффикс обособился и стал использоваться в сугубо топонимической функции. При этом, как свидетельствует топонимный материал, он мог присоединяться как к прибалтийско-финским, так и саамским основам: *Paltamo* содержит в основе прибалтийско-финское слово *palta* 'склон, косогор'¹⁷, *Sotkamo* может восходить к прибалтийско-финскому *sotka* 'утка-нырок'¹⁸, с другой стороны, *Vuonamo* сопоставимо с саамским *vuona* 'длинный узкий залив'.

Как в этом контексте должно интерпретироваться *Valamo*? Видимо, как карельский топоним, восходящий либо к прибалтийско-финскому географическому термину, образованному при помощи суффикса *-mo* от прибалтийско-финской основы, или собственно топонимическое образование, в котором топонимным суффиксом *-mo* оформляется прибалтийско-финская или субстратная основа. К сожалению, более четкого ответа пока что нет.

В топонимии Валаама отражаются характерные географические особенности архипелага. Современный остров *Голый* (или *Палинсаари*) был зафиксирован в XIX в. А. П. Андреевым под названием *Пальяк*, ср. кар. *paljas* 'голый, лишенный растительности'. Основа оформлена довольно продуктивным в карельской топонимии Приладожья суффиксом *-kko* (ср. на Валааме острова *Mökerikkö*, **Kabakko*). Мотив происхождения современных названий двух островков, прилегающих к Никоновскому острову, — *Ржаной* и *Овсяный* — не вполне ясен. Во времена Андреева один из них (*Ржаной*) был известен как *Лухочун*. В свою очередь, в «Описание 1798 г.» острова идут под названием *Кохта Лога Саарет*. Первый элемент этого сложного названия восходит, видимо, к кар. *kohta* 'расположенный напротив', характеризующему расположение острова по отношению к Никоновскому или к Порфирьевскому островам. В свою очередь, элемент *лога* должен быть сопоставлен с *Лухочун*, в котором основа *luho* оформлена карельским суффиксом *-čči* со значением подобия. Что же касается основы *luho*, то она, скорее всего, связана с карельским словом *luho*, *loho*, характеризующим старую, сношенную, гнилую, трухлявую вещь, предмет¹⁹. По устному сообщению О. А. Ярового, остров открыт западным ветрам, сильные порывы которых ломают и выворачивают с корнями деревья. Эти гниющие на побережье деревья и явились,

¹⁷ Räsänen A. Kainuun murteiden ja nimistön opas. Kajani, 1982. S. 116.

¹⁸ Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. S. 140.

¹⁹ Karjalan kielen sanakirja. Kolmas osa. Helsinki, 1983.

очевидно, основой номинации. Есть основание полагать, что аналогичным образом могло возникнуть и название приведенного в «Описании 1798 г.» острова *Пехкима саари* (современный Ладожский остров), расположенного на противоположной от Лухочуна стороне архипелага и открытого восточным ветрам. В основе топонима карельское слово *rehko*, *rehkivö* 'гниющее трухлявое дерево'²⁰.

Особенно информативны топонимы, связанные с отражением материальной и духовной культуры: острова *Кима Саарет* у южного побережья главного острова от карел. *kiima* 'ток, токовище'; остров *Лато* (совр. *Скалистый*), ср. карел. *lato* 'сарай для сена; амбар для хранения дичи'. Не исключено, что название мыса *Найсниеми* (*Naisniemi* 'женский мыс') сохраняет память о том, что здесь женщин, сидевших за веслами, сменяли мужчины, т. к. начинался более сложный, требующий больших усилий участок пути. Во всяком случае именно такой мотив называния приписывает аналогичным топонимам в бассейне реки Вуокса финляндский исследователь В. Ниссиля²¹. Названия острова *Ристь Сари* (*Крестовый остров*) и мыса *Риста Ниemi* (*Крестовый мыс*) связаны с хорошо известной на крупных водоемах Карелии традицией ставить крест на последнем острове или мысе перед выходом в открытые воды. Особый интерес в контексте древних верований представляет название расположенного на восточной окраине архипелага острова *Лембос*. В «Описании 1798 г.» приводится соответственно название *Лемби саарет*, а у Андреева *Лембачь-сарет*, ср. кар. *lembo(i)* 'черт, леший'.

В топонимии архипелага сохранилась и память о прежних жителях островов. Кроме упомянутых выше отметим здесь остров *Амелка* (*Емельянов остров*) — карел. *Amel'ka* 'Емельян', мыс *Ходари Ниemi* (*Федоровский Нос*) — карел. *Hodari* 'Федор', мыс *Курика Ниemi*, в основе которого заманчиво восстанавливать широко распространенный в Северном Приладожье древний карельский патроним *Kurikka*²². Возможно, некоторые из них маркируют места размещения на архипелаге в XVII в. крестьянских хозяйств. Не вполне ясны в этом контексте истоки топонимов *Куккосен нурми*, *Куккосен Сур нурми* (*nurmi* 'покос'), приводимых в «Описании 1798 г.». С одной стороны, в основе логично восстанавливать фамильный антропоним *Kukkonen*, широко распространенный в средневековом Приладожье²³. С другой стороны, земли, в названии ко-

²⁰ Karjalan kielen sanakirja. Neljäs osa. Helsinki, 1993.

²¹ Nissilä V. Vuoksen paikannimistö. Helsinki, 1939. S. 284.

²² Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Keuruu, 1992.

²³ Ibid.

торых выступает данная основа, примыкают к заливу, названному в финских источниках *Kuikanlahti* (lahti 'залив'), в конце которого находится окруженное болотом озерко *Кукканен Ламби*. Узкий и длинный залив тянется на несколько километров, а в прошлом, возможно, был еще длиннее и включал в себя озеро *Кукконен* с окружающим его болотом. Это заставляет внимательнее приглядеться к возможностям саамской интерпретации, ср. саам. **kuukkas* (с основой *kuikkaa-*, *kuik-*) 'длинный'. Данная лексическая модель получила активное распространение в топонимии Приладожья²⁴. Следует, однако, признать, что саамская страница в истории топонимии Валаама и особенно механизмы возможной преемственности саамской топонимии на архипелаге требуют специального анализа.

Карельская топонимия Валаама стоит в одном ряду с карельской топонимией Северного Приладожья. Для многих валаамских географических названий обнаруживаются лексические, семантические, структурные аналогии в топонимии северного побережья Ладожского озера, свидетельствующие о единых этноязыковых истоках.

²⁴ *Sammallahti P.* Saamen kielen ja saamelaisten alkuperästä // *Pohjan poluilla.* Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki, 1999. S. 70—90.